
Жизнь в эпоху перемен, или о том, как в 1920–1940-е гг. в советской России решался жилищный вопрос¹

Хлынина Т.П.

Статья посвящена решению в 1920–1940-е гг. жилищного вопроса. В ней анализируются стратегии власти по решению жилищного вопроса, рассматриваются проекты строительства жилья и его формы, архитектурные особенности советской типовой застройки. Значительное внимание уделяется проектированию жилого пространства. Делается вывод о тесной взаимосвязи жилищной политики и представлений власти о новом быте нового человека.

Ключевые слова: жилищный вопрос, жилищный передел, уплотнение, архитектурные проекты, коммуналка, дома-коммуны, сталинка

Solution of housing question in 1920–1940 is considered in the article. Government strategies related to housing problem solution are analyzed; housing projects are considered with their forms and architectural features of typical Soviet buildings. Considerable attention is paid to the design of the living space. There was made the conclusion about close relationship of housing policy with officials' comprehension of new daily living for modern person.

Keywords: housing question, housing redistribution, sealing, architectural projects, communal, communal housing, stalinka

Привычное представление о том, что советский человек являлся лишь страдательной величиной большой политики, в реальности оказывается не более чем ми-

фом. Причем мифом, отчасти порожденным его собственными руками, написавшими не один десяток жалоб на несправедливые действия власти и ее бездушное отношение к нуждам и чаяниям трудящихся. Однако, если обратиться к повседневной жизни подавляющего большинства населения того времени, то в ее, казалось бы, неспешном течении обнаружится изрядное количество способов и практик, позволяющих не только уживаться с не всегда продуманными решениями извне, но и направлять их в нужное для себя русло. Показательным примером тому может служить решение жилищного вопроса, как известно, испортившего не одно поколение советских людей и породившего феномен коллективного быта даже в отдельно взятой благоустроенной квартире. Рассмотрим, как и под воздействием каких обстоятельств в предвоенные десятилетия менялась жилищная политика советского государства и насколько она удовлетворяла ее непосредственного потребителя.

Начавшаяся в 1917 г. революция и последовавшая за нею национализация жилищного фонда поставила перед молодым советским государством практически невыполнимую задачу по обеспечению жильем всего трудящегося населения города. Един-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12 – 01 – 00127 «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)».

ственным выходом из сложившейся ситуации, когда для строительства нового жилья не хватало не только средств, но и элементарных сил, виделся его передел. «Война дворцам», получившая свое официальное одобрение в подготовленном В.И. Лениным наброске постановления «О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных», призвана была не только решить эту проблему, но и определить дальнейшие перспективы советской жилищной политики. Такой перспективой оказалась принципиальная невозможность для каждого человека иметь отдельную комнату как напоминание о несправедливо нажитом богатстве. Согласно тому же ленинскому определению, богатой признавалась квартира, где количество комнат равнялось либо превышало «число душ населения, постоянно проживающих в этой квартире» [6, с. 380]. Именно эти богатые квартиры и подлежали уплотнению, а также заселению новыми жильцами «из простых».

Перераспределение жилищного фонда, узаконенное декретами СНК РСФСР «О воспрещении сделок с недвижимостью» от 14 декабря 1917 г. и «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», принятого 20 августа 1918 г., должно было, по мысли его инициаторов, существенно улучшить положение нуждающегося в жилье населения. Согласно данным статистики, это улучшение сказалось, прежде всего, на условиях проживания семейных рабочих, большинство из которых только в одном Петербурге уже к 1923 г. оказались собственниками отдельных комнат, а изредка и целых квартир. Однако с существенным увеличением жилого пространства, исчезновением таких специфических форм его освоения как «угловые жильцы» и «коченики», возникла не менее острая проблема, связанная с эффективностью его использования. А.И. Черных приводит показательные факты, когда получив, казалось бы, долгожданные дополнительные метры в

бывших «барских хоромах», пролетарии не знали, как ими распорядиться. К тому же переселение в новые и благоустроенные квартиры, находившиеся по преимуществу в центральной части города, увеличивали расстояние от основных мест работы и соответственно расходную часть семейного бюджета. Именно по этой причине многие рабочие не спешили воспользоваться предоставленным правом улучшения жилья [11, с. 71]. И, наконец, даже смирившись с неудобствами непривычно просторной и функционально мало пригодной планировки, они все равно оказывались в стесненных обстоятельствах: занимаемая площадь бывших особняков в разы превышала официально положенные метры жилья, что требовало его уплотнения.

Уплотнение представляло собою «увеличение населения данной жилой площади или лишение жильцов части жилой площади» и подразделялось на принудительное и добровольное. Принудительное уплотнение производилось без согласия уплотняемых, в то время как самоуплотнение предоставляло жильцам право в течение двух недель подыскать себе соседей. В случае его нереализации вопрос о судьбе излишней жилплощади решался домовыми управлениями [7, с. 19]. Механизм процедуры уплотнения хорошо описан М.А. Булгаковым в «Собачем сердце»: «Мы — управление дома, — с ненавистью заговорил Швондер, — пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома. — Кто на ком стоял? — крикнул Филипп Филиппович. — Потрудитесь излагать ваши мысли яснее. — Вопрос стоял об уплотнении... — Довольно! Я понял! Вам известно, что постановлением от двенадцатого сего августа моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений? — Известно, — ответил Швондер, — но общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и це-

лом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах. — Я один живу и работаю в семи комнатах, — ответил Филипп Филиппович, — и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку. Четверо онемели. — Восьмую? Э-хе-хе, — проговорил блондин, лишенный головного убора, — однако это здо-о-рово! — Это неопишимо! — воскликнул юноша, оказавшийся женщиной. — У меня приемная, заметьте, она же библиотека, столовая, мой кабинет — три! Смотровая — четыре. Операционная — пять. Моя спальня — шесть, и комната прислуги — семь. В общем, не хватает... Да, впрочем, это не важно. Моя квартира свободна, и разговору конец. Могу я идти обедать? — Извиняюсь, — сказал четвертый, похожий на крепкого жука. — Извиняюсь, — перебил его Швондер, — вот именно по поводу столовой и смотровой мы и пришли говорить. Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовых ни у кого нет в Москве» [1].

Еще от одного булгаковского персонажа современный читатель узнает и о санитарно-гигиенической норме, приходившейся на одного человека той поры, о заветных 16-ти аршинах, на которых «сидел и будет сидеть» Шариков. Следует отметить, что 8,09 м кв., о которых идет речь, не были постоянной величиной и менялись в зависимости от остроты жилищного кризиса. В 1919 г. усилиями Наркомата здравоохранения была научно определена официальная норма заселения. Она определялась минимальной величиной кубатуры воздуха в 30 куб. м, необходимой человеку для нормального самочувствия после ночного сна, и составляла 8,25 м кв. По данным, приводимым М.Г. Мееровичем, с 1920 по 1926 гг. только в одной Москве, где жилищная теснота проявлялась особенно остро, эта норма варьировалась от 9,3 м кв. до 5,3 м кв. Для провинциальных городов она была не-

сколько выше и в 1926 г. составляла 6,3 м кв. [7, с. 17]. Обретение собственного «заветного угла», который и стал реальным итогом проводимых преобразований, не только не улучшил жилищных условий тех, ради которых все это зачиналось, но и породил феномен советской коммуналки — «квартиры, находящейся в государственной собственности, заселяемой государственными органами в соответствии с нормативами жилой площади, положенной на одного человека, независимо от семейного статуса жильцов и конфигурации квартиры» [5].

Именно в такую типичную коммуналку попадает героиня романа В. Гроссманна «Жизнь и судьба» Евгения Григорьевна Шапошникова: «Жила Женни Генриховна в полутемной комнатке, когда-то отведенной для прислуги в большой купеческой квартире. Теперь в каждой комнате жила семья, и каждая комната делилась с помощью ширмочек, занавесок, ковров, диванных спинок на уголки и закуты, где спали, обедали, принимали гостей, где медицинская сестра делала уколы парализованному старику» [5]. Образованию новых коммуналок и уплотнению уже существующих способствовало уменьшение нормы санитарной площади на человека. Годы первой пятилетки ознаменовались резким ростом миграции в города, население которых только с 1925 г. по 1930 г. увеличилось на 35%. С 1931 г. значительно увеличивается процент населения, живущего на «голодной норме» — до 4 кв. м.

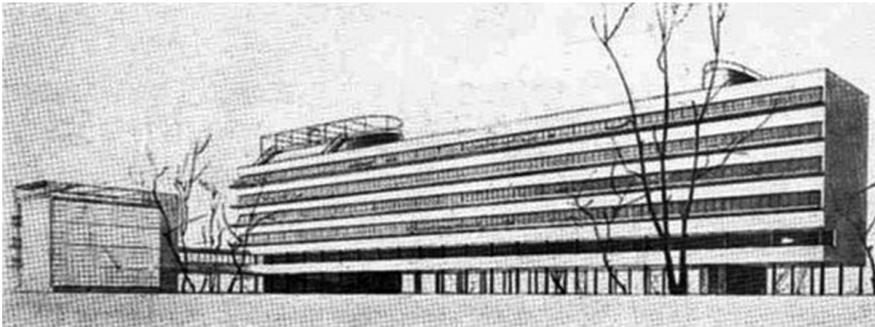
В свою очередь, вселение в «роскошные барские апартаменты» привело к завышенным ожиданиям у населения, которые не могли реализоваться в условиях массовой советской застройки, и породило мечты об отдельном и относительно комфортном жилье с удобствами. Оценивая довоенный уровень жилья, респонденты вспоминали: «Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хру-

щевках. Вот так это строилось для рабочих, а напротив был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще, они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас, ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего» [9].

Свое победоносное шествие по стране коммуналки начали с национализации жилья и, пережив его демунципализацию в начале 1920-х гг., завершившуюся появлением кооперативных коттеджей, составили к 1941 г. большую часть жилищного фонда страны. Однако несмотря на стремление официальной власти к предельной централизации жилищной сферы и ее убежденности в незыблемости основ коммунального быта, жилищная политика в рассматриваемый период времени не была столь однозначной. Ее отклонения от намеченной генеральной линии определялись, помимо всего прочего, и нежеланием советского человека «выставлять напоказ

всю свою жизнь в ее мельчайших подробностях» [10].

Одним из следствий подобного нежелания стали так и не прижившиеся в стране дома-коммуны. Предыстория их возникновения оказалась тесно связанной с развернувшейся в конце 1920-х гг. дискуссией о том, каким должно быть рабочее жилище. Именно тогда возникла идея о невозможности совмещения старой формы и нового содержания: «Приходится строить новый быт в старых жилищах. Полученный в наследство от старого строя жилищный фонд насквозь пропитан замшелой стариной переживших свою экономическую эпоху форм быта — каждый дом строился с таким расчетом, чтобы всякая семья имела возможность вести совершенно изолированное домашнее хозяйство». Новый тип жилья должен был обеспечить коллективизацию быта, воплощением которой виделись дома-коммуны, принципиальными характеристиками которых становились

Дом-коммуна Наркомфина, М. Я. Гинзбург, И. Ф. Милинис, инж. С.П. Прохоров. (Жилой дом на Новинском бульваре). 1928—1930 (Новинский бульвар, 25)

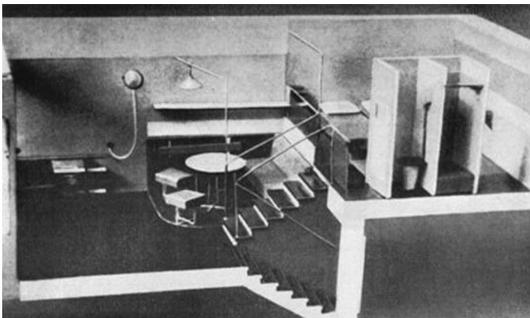

Рис. 1. Эль Лисицын. Макет оборудования комнаты в доме Гинзбурга [14]

«выделение из квартиры функций питания, воспитания детей и стирки», а также требование, согласно которому «каждый должен жить на началах строжайшей регламентации и подчинения правилам внутреннего распорядка» [13]. По замечанию М. Близнаковой, «большинство победивших проектов были слишком фантастическими для имевшегося экономического уровня. И если даже они все-таки реализовывались, «то очень скоро общественный характер рекреационных зон сводился на “нет” тем, что жильцы не стремились обобществлять свою частную жизнь, и семейные ценности возобладали над общественным устройством» [10].

Наглядным тому подтверждением являлась судьба Социалистического города в Нижнем Новгороде, планировавшегося как поселение-коммуна с обобществленным бытом, коллективными формами жилища — домами-коммунами на 1000 чел. каждый. Проект предусматривал наряду с жилыми корпусами строительство двух яслей и одного детского сада, а также общественно-культурного центра. Дома-коммуны предполагали возрастной принцип их заселения: центральный корпус предназначался для школьников. По обе стороны от него располагались два корпуса молодежи. Вправо и влево к этим корпусам примыкали еще по два здания для взрослых, имевших детей. Наряду с жилыми комнатами, в каждом корпусе размещался красный уголок для коллективного отдыха. Общие кухни, туалеты и ванны предусматривались поэтажно. Осенью 1930 г. началось заселение города с так и не построенными яслями и детским садом. Многие корпуса не были обеспечены водой и отоплением, находились в состоянии незавершенных отделочных работ. Само заселение происходило с нарушением принятых ранее норм: так, в квартиры, предусмотренные на одного человека и составлявшие 9 кв. м., вселялись семьи из 3–4 чел.

Не произошло и реорганизации быта: места коллективного пользования по большей своей части становились полем столкновения различных жизненных практик и ценностных представлений жильцов [13].

Вместе с тем, многие довоенные постройки несли на себе неуловимое для наших современников очарование многолюдности и «скученности» быта: «Ох, уж эти довоенные нахичеванские дворы! Малонаселенные, с одноэтажными флигельками и квартирками, утопающими в зелени. У каждого соседа беседка или веранда и обязательно с кроватью. На калитке висел один почтовый ящик для всех жильцов, и каждый сосед, проходя мимо, заглядывал в него, и спешил сообщить, кому пришла почта. Где-то в сторонке, сложенная из кирпича печурка, на которой готовили обеды, распространяя вкусные запахи на весь двор; но многие пользовались примусами на общей кухне» [2, с. 5]. Именно эта скученность, зачастую лишавшая человека возможности уединения и превращавшая его жизнь в «спектакль по Мейерхольду», спасла жизнь в годы войны многим людям. Так, коммунальные кухни, в одночасье превратившиеся в «места, где грелись все и видели, кто и чем питался», становились источниками взаимопомощи и моральной поддержки. Известны случаи, когда соседи оказывались единственными кормильцами для тех, кто потерял всех своих близких: в блокадном Ленинграде они отоваривали карточки, ухаживали за обитателями «выморочных» квартир, устраивали в приюты осиротевших детей [12, с. 366–379].

1930-е гг. прошли под знаком возвращения советскому человеку утраченного вкуса к нетиповому жилью. Появившиеся в тот период времени сталинки, обещавшие в перспективе стать «штучными дворцами для рабочих», таковыми оказались только для номенклатурных работников, представителей технической и творческой интеллигенции. «Дома для начальников»

в отличие от их рядовых аналогов, строившихся по преимуществу для рабочих, имели хорошую планировку, предусматривавшую кабинеты и детские, библиотеки и комнаты для прислуги, просторные кухни, отдельные санузлы и подсобные помещения. Их общая жилая площадь составляла от 32 кв. м для однокомнатной до 110 кв. м для четырехкомнатной квартир. Строившиеся, как правило, по специальным проектам номенклатурные сталинки часто оказывались архитектурными достопримечательностями городов и длительное время расценивались одним из самых удачных жилищных проектов советской эпохи. Значительно уступавшие им как в метраже, так по степени удобств (во многих из них не предусматривались горячая вода и ванны) рабочие сталинки изначально планировались под коммунальное заселение. Расположенные на окраинах городов и полностью лишённые какого-то ни было декоративного убранства, они образовывали обезличенные жилые массивы, придавая, тем самым, жилищной политике характерный для нее в целом отпечаток строительного прагматизма. Первоначальная идея о том, что ни одно здание сталинской застройки (по крайней мере, в Москве) не будет повторять другое, уже к концу 1930-х гг. сменилась необходимостью перехода к серийному сборному домостроению.

Однако несмотря на все проводившиеся эксперименты и добросовестный поиск властью решения жилищного вопроса, жилья, не говоря уже о его качестве, катастрофически не хватало. Причиной тому зачастую оказывались «добросовестные» действия все той же власти, исходившей из необходимости построения принципиально нового быта и поиска соответствовавших ему пространственных форм. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства

в городах» управление всем государственным жилищным фондом было возложено на местные советы, предприятия и учреждения, в чьем ведении находились жилые дома. Спустя три года начнется борьба с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках. Сосредоточив в своих руках всю проектную (в 1931 г. был принят запрет на частное проектирование) и строительную деятельность), государство тем самым не только лишило граждан возможности самостоятельного решения жилищного вопроса, но и ставило его в зависимость от довольно скромных бюджетов местных органов власти и торгово-промышленных предприятий. К 1940 г. городской жилищный фонд СССР насчитывал 421 млн кв. м, в то время как официально зарегистрированное городское население, согласно переписи 1939 г., составляло 56,1 млн. чел. По оценкам исследователей, «этого было недостаточно для того, чтобы улучшить жилищные условия граждан» [4], на каждого из которых, согласно той же переписи, в различных уголках страны приходилось от 4,5 до 8 кв. м.

Подтверждением крайне неудовлетворительной ситуации, складывавшейся с обеспечением жильем, стали массовые обращения граждан в органы власти и лично к представителям высшего советского и партийного руководства страны. Так, жена капитана пограничных войск, орденоносца Л.К. Козлова, обращаясь к «глубокоуважаемому и дорогому Михаилу Ивановичу» Калинин, писала, что после того как была оставлена мужем, «находится в жутких квартирных условиях (13 кв. м), комната на 8 человек, со стен течет вода» [3, Л. 83]. В другом письме «маленького человека, посмеявшегося побеспокоить занятого государственным делами большого человека», сообщалось о семейной трагедии, в результате которой ребенок, больной туберкулезом,

«остался на 6 м, вместо положенных 14 м» [3, Л. 216–217].

Решение жилищного вопроса определялось не только острым дефицитом жилья, доставшимся советской власти от предыдущего антинародного режима [8]. На его выработку определяющее воздействие оказывали и представления власти о формах нового быта, посредством которых

планировалась организация жизни советского человека. При этом последний вовсе не являлся их пассивным потребителем. По мере наличия или отсутствия привычки к комфорту, ведения коллективного или автономного образа жизни он творчески приспосабливался к навязываемым ему сверху условиям жизни, которые в результате становились неизбежно иными.

Литература

1. Булгаков М.А. Собачье сердце. URL: http://www.m-a-bulgakov.ru/dog_heart_17.html (дата обращения: 23.01.2013).
2. Галустян В. Мой Нахичеван. — Таганрог, 2011. — 48 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р. — 7523. Оп. 27. Д. 4.
4. Грудницына Л.Ю. Жилищная политика в России. URL: <http://nash-kronshtadt.ru/gorozhaninu/domovye-komitety/zhilishhnaja-politika-v-rossii-proshloe-i-budushhee.html> (дата обращения: 13.02.2013).
5. Коммунальная квартира. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.02.2013).
6. Ленин В.И. О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных // Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 380 — 382.
7. Меерович М.Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917 — 1937. — М., 2008. — 303 с.
8. Орлов И. Жилищная политика советской власти в первое послереволюционное десятилетие. URL: <http://www.pseudology.org/chtivo/ZhiliePolicy.htm> (дата обращения: 11.02.2013).
9. Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
10. Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57 (Дата обращения: 12.02.2013).
11. Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. — 1995. — № 10. — С. 71 — 78.
12. Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. — М., 2012. — 603 с.
13. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principles (дата обращения: 13.02.2013).
14. URL: senart-artdeco.livejournal.com; URL: http://vk.com/wall-35683765_12993 (дата обращения: 13.02.2013).